

ЧТОБЫ СЛОЖИЛСЯ ПАЗЛ

КАЗАРИНА Э.Н., специалист по социальной работе бюджетного учреждения Ханты – Мансийского автономного округа – Югры «Комплексный центр социального обслуживания населения «Защита», г. Нефтеюганск

В социальную сферу я попала случайно и, как водилось в 90-х годах, из педагогики. О существовании социальных служб и их работе у меня тогда были очень скудные представления.

В 1996-м году друзья пригласили меня на тренинг по развитию личности популярного тогда творческого объединения психологов «Синтон». Так я узнала о существовании в городе психологической службы. А о службе «Подросток» услышала, обеспокоившись (как классный руководитель) обстановкой в семье одного из моих учеников. Вот и все, что я знала к весне 1999 года, когда меня пригласили на общественных началах вести группу в Реабилитационном центре для подростков, употребляющих психоактивные вещества «Пульс».

Профилактические занятия по программе «Синтон» проходили интересно и для подростков, и для нас, начинающих тренеров и имели неожиданный успех. Через полгода мне предложили должность специалиста по социальной работе. Первой моей клиенткой стала ровесница Наташа, не устоявшая перед соблазном наркотика.

Что это за работа, я понятия не имела. И силу героина откровенно не понимала. И не знала, что мне необходимо делать, как специалисту. Но я очень хотела помочь. С помощью психолога, прежде занимавшего это место, мы выстроили план работы, определили мои действия. Работа была относительно новая для всех сотрудников, поэтому действовали по наитию, собирали опыт по крупицам.

В течение трех недель ежедневно мы занимались с Наташей: беседовали, заполняли дневник, заново учили таблицу умножения, искали работу, строили планы... Я хотела восстановить ее жизнь, как будто это была моя. Познакомилась с ее мамой, уже пожилой женщиной, воспитывающей Наташину дочь. В ней проснулась надежда, что в нашем Центре Наташе помогут. И я верила в это. И не слушала врача-нарколога, которая говорила, что у Наташи нет реабилитационного потенциала (это я теперь знаю такое понятие), что она все равно уйдет в свой уже привычный мир. Что необходимо смириться с этим. Я не соглашалась, сердилась на такую позицию человека, поставленного помогать нуждающимся, убеждала, что нужно что-то делать (сама я не знала, что именно) и боролась за нее, как могла.

Искала любую информацию о реабилитации наркозависимых, видеофильмы о наркотиках и наркоманах. Они были очень востребованы в группе взаимоподдержки. Мои клиенты меня убеждали, что им легче

В 23 года я и не задумывалась о смене профессии, мне нравилось работать в школе, с детьми. Но желание познавать новое, бороться со всемирным злом и помогать людям перевесило разумные доводы.

бороться с соблазном, если они видят страшные кадры с наркоманами во время ломки. Поэтому сотрудничала с телевидением, заказывала видеofilмы в других городах. Откуда мне было тогда знать, что этого ни в коем случае делать нельзя, что наркоман в ремиссии таким образом поддерживает и питает свою зависимость. Об этом я узнала годами позже, в университете. Сколько дров я наломала от незнания и непрофессионализма!

Вместе со мной переживала истории моих клиентов моя семья: муж включался помогать устраивать их на работу, с мамой собирали вещи для Наташиной дочери...

До работы в этом центре мы не сталкивались с проблемой наркомании вообще и не задумывались о ней. А теперь я видела, как много зависимых людей в городе, понимала, какое это горе для их семей и видела его каждый день.

Через три недели со слезами на глазах Наташа попросилась со мной, тербя мой пояс и извиняясь, что она не может больше бороться. И я плакала от своего бессилия, и через месяц работы уже сама нуждалась в реабилитации.

Мой первый опыт в «социалке» оказался провальным и запомнился на всю жизнь. Через год, обучаясь в университете, я мысленно делала работу над ошибками. И для себя сделала вывод: успешный результат реабилитации любой категории клиента зависит от нескольких факторов: профессионализма сотрудников, технического и методического обеспечения учреждения, оказывающего помощь и, самого главного, – желания самого клиента и **веры** в положительный исход реабилитации. Ни одна из известных методик реабилитации не обходится без веры: будь то вера в себя, природные силы, сверхразум, Бога или просто положительные результаты работы.

Еще в педагогическом училище на первом курсе нас учили писать плакаты перьями. И чтобы все линии были ровными, преподаватель учил смотреть не на перо и его положение, а на конечную точку, куда это перо мы должны были довести. Было трудно поверить, что можно провести прямую линию, не контролируя сам процесс, просто видя цель. Но те, кто в это поверил, получал лучший результат.

В любом деле, за которое мы беремся, необходимо видеть его цель и верить, что мы ее достигнем. Иначе нет смысла браться за него. А что касается клиентов, то по прошествии лет, я сделала еще один вывод: бесполезны будут

Важно в каждом клиенте найти ту струнку, которая сыграет ему на пользу и поддержит в нем веру и надежду. Тогда сложный пазл клиент + профессионал + методика обязательно сложится.

любые усилия суперпрофессионалов и супертехники, если клиент не хочет работать над собой. Чтобы чего-то достичь, необходимо, как сейчас говорится, выйти из зоны комфорта, а в контексте реабилитации и постоянно причинять себе боль. Не каждый на это решится.

Я видела инвалида-колясочника, которому врачи не оставили никакой надежды на восстановление, но он ходил по квартире с ходунками и в тьюторах, преодолевая себя, потому что он хотел ходить. И знаю другую реальную историю, когда молодому парню сказали: занимайся, и ты встанешь на ноги! Но коляска осталась его единственным выбором на всю оставшуюся жизнь. Как у Наташи, у него не было веры в себя, в результат, в будущее и, соответственно, желания преодолеть боль.

Какую категорию ни возьми, клиенты с низким реабилитационным потенциалом страдают одним и тем же – отсутствием веры. Бездомный не верит в свое благополучное будущее. Инвалид – в восстановление. Зависимый – в свои силы и в то, что без наркотика (сигарет, сладкого, компьютерных игр и т. д.) он может продуктивно жить. Пожилой человек не верит в Бога. Поэтому старость его проходит бессмысленно. И часто слышишь от пожилых: «скорей бы умереть, надоело воздух коптить».

Как-то давно мне рассказали поучительную историю. Женщина после перенесенного инсульта потеряла способность к самообслуживанию и долгое время лежала в постели, чувствуя себя обузой для семьи. Когда к ней приехала верующая родственница, та пожаловалась, что не хочет больше так бесполезно жить. Родственница возмутилась: а молиться за свою семью ты можешь?! После беседы подарила Библию и молитвослов.

Женщина эта с постели так и не встала. Но обрела новый смысл жизни и сохранила статус матери и хранительницы в семье. Ее дети теперь в различных жизненных обстоятельствах обращались к ней с просьбой: «Мама, помолись за нас». Вера вернула ее к жизни, помогла адаптироваться к настоящему и почувствовать, что даже в таком состоянии человек может быть полезен для своей семьи.

Конечно, есть клиенты, которых мы называем «трудными», которых невозможно в чем-то переубедить, до них трудно достучаться, чтобы они хотя бы услышали нас. Но когда удается с ними продвинуться хоть на шаг, воспринимаешь это еще одной маленькой победой в постоянной борьбе за жизнь, активность, долголетие.